

Слово на усекновение главы славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

Исповедник

Если **«честна смерть преподобных»** и **«память праведного совершается с похвалами»**, то не гораздо ли более нам долженствует относить это к памяти совершеннейшего корифея всех преподобных и праведных, – Иоанна, предвзыгравшего и предтекшего и предвозвестившего Слово Божие, воплотившееся ради нас, о котором Оно, в свою очередь, объявило и засвидетельствовало, что он болий всех от века бывших пророков и преподобных и праведных? (Лк.1:44)

Но на том основании, что то, что относится к нему, превосходит всякое человеческое слово, и по той причине, что он принял свидетельство и почесть от Единородного Сына Божия и не нуждается в почестях с нашей стороны, мы, молчав, оставим ли без выражения нашего посильного восхваления Того, кого Писание наименовало Гласом Высочайшего Слова? Да не будет! Но именно на том основании, что такое имя и свидетельство он принял от Владыки всех Христа, пусть уста всех верных подвигнутся к посильному восхвалению его, не в том смысле, чтобы этим нечто прибавить ему к славе, – потому что как бы это могло быть? – но с той целью, чтобы нам воздать долг, каждый своими устами и все вместе – общими, восхваляя и возвещая чудеса, относящаяся к Нему. Потому что, воистину, вся жизнь Сущего большего всех рожденных женами представляет чудо из чудес.

Не только же вся жизнь Иоанна, даже еще прежде рождения своего уже бывшего Пророком, который был превосходнейшим из Пророков, но во многом и то, что относится к тому, что было до его рождения и после смерти, превосходит все чудеса: ибо божественные проречения о нем боговдохновенных Пророков называют его не человеком, но Ангелом, и Светильником Света, и некой богосиянной и утренней Звездой (как предтекшего Солнцу Правды) и Гласом Самого Слова Божия; что же слову Божию ближе и родственнее Божиего Гласа? Которого когда зачатие приближалось, не человек, но Ангел, слетев с небес, разрешил неплодство Захарии и Елисаветы, возвещая им, что они, бесплодные от юности, имеют в глубокой старости родить сына, виновника большой радости, потому что предвозвещает, что рождение сего дитяти будет спасительно для всех. **«Будет бо, – говорит (Архангел), – велий пред Господом: и вина и сикера не имать пити, и исполнится Духа Святаго еще из чрева матере своея. И многих от сынов Израилевых обратит ко Господу Богу их: и той предыдет пред Ним духом и силою Илиною»** (Лк.1:15 и сл.): **потому что и он будет девственником, подобным тому, и даже большим гражданином пустыни, чем был тот, и обличит законопреступных царей и цариц. И в этом он сделает больше, чем тот, тем что и Предтечею Божиим будет; потому что предыдет, – говорит (Архангел), – пред Ним».**

Захария, посчитав, что возвещенное – совершенно невероятно, подвергся оцепенению языка; потому что поелику добровольно он не пожелал проповедывать чудесное зачатие сына, то пока не произошел на свет Глас, предшествующий слову Божию, он своим молчанием поневоле громко возвещает сие. Будучи же зачат после толиких и таких великих обещаний, еще прежде чем родился, Он помазывается в Пророка, и передает эту благодать, – о, чудо! – своей матери, и, как говорит Исаия, облачается в ризу спасения и во одежду радования; а подобно Илие,

вместо себя помазывает Пророка; и в этом стоит впереди и превосходит и того и другого Пророка, еще будучи во чреве матери, и как пред лицом (Самого) Господа сие явивый: ибо поелику зародыш, после того, как у него сформировались члены, может двигать ими, но голоса еще не имеет, потому что еще не живет на воздухе, то когда предстала Дева, чревоносящая тогда Бога, Иоанн, будучи и во чреве, не остался бесчувственным к Божию присутствию и домостроительству, но оттуда прославил Его, богословствуя материнским языком, сам же выиграл внутри и прославил: - о, чудо! - будучи в Духе Святом, во чреве матери прияв совершенство будущего века; потому что, как великий Павел, предвозвещая тайну вечной жизни, **«Сеется, - говорит, - тело душевное, востает тело духовное»** (1Кор.15:44), т. е. чудесною силою Божию Духа в будущем веке управляемое и движимое, - так Иоанн был посеян и составлял в материнском чреве тело душевное, но чудесным во чреве помазанием Духа Божественного явился телом духовным: играя и славя в духе и соделывая чревоносящую его Пророчицей; потому что, пользуясь ее языком, великим гласом он благословляет Бога и чревоносящую Матерь Господню объявляет Девой, и Плод чрева Ее, чревоносимый в Ней, приветствует, возвещая Ее непраздной и в то же время Девой.

Таким образом, не только, согласно Писанию, прежде чем познал злое, он избрал благое, но и прежде чем познал мир, будучи еще во чреве, Иоанн был премирным (выше мира). Родившись же, он всех и обрадовал и изумил чудесами, связанными с ним. Ибо «рука Господня, - говорится, - бе с ним», чудотворя снова, как и раньше чудотворила: ибо оцепеневшие уста отца его, оцепеневшие за то, что он не поверил в необыкновенное зачатие сына, отверзлись и исполнились Духа Святаго, и пророчествовал он и дальнейшее, так говоря о сем сыне своем: **«И ты отроча, Пророк Вышняго наречешися: предыдеши бо пред лицом Господним, уготовати пути Его, дати разум спасения людем Его»** (Лк.1:76-77). Но как заченшись, сей божественный отрок, от чрева матери показался одушевленное орудие благодати, ею движимый и Божественным Духом исполняемый, так и родившись, опять же, он возрастал и укреплялся Духом. Поелику же мир не был его достоин, то с нежного возраста он непрестанно жил в пустынях, проводя жизнь безмятежную, беззаботную и не имеющую сношения с шумным миром, свободную от печалей, непричастную низменным страстям, высшую земных и плотских вожделений, ласкающих тело и плотские чувства; живя Богу, видя только Бога, наслаждаясь только в Боге. Итак, он жил в некоем уединенном месте земли: **«И бе в пустынях, - говорится, - до дне явления своего ко Израилю»** (Лк.1:80). Какой же это был «день явления» его? - Когда настало время для Крещения Господня, о коем времени было написано: **«Несть разумевай, несть взыскай Бога. Все уклонишася, вкупе неключими быша»** (Пс.13:23).

Итак, как тогда, когда все мы были нечестивыми, Господь, движимый неизреченным человеколюбием, ради нас сошел с небес, так и Иоанн тогда ради нас вышел из пустыни, имея послужить человеколюбивой воле Его; потому что как для глубины тогдашнего человеческого зла, так и для несравненного ни с чем снисхождения человеколюбия Божия, имелась нужда в таком имеющем послужить, который достиг совершенства во всех добродетелях: потому что таким образом он бы привлек к себе всех видящих его, как это действительно и случилось, потому что на основании чуда он обратил к себе людей: как человек совершенно исключительный, являющий в себе образ жизни, который выше человека. И проповедь его была достойна образа его жизни: потому что он обещал царство небесное, и угрожал огнем неугасимым, и явил, что Христос есть Царство Небесное, **«Ему же лопата в руку Его, - говорит, - и отребит гумно Свое, и соберет пшеницу в житницу Свою: плевры же сожжет огнем неугасимым»** (Лк.3:17).

Не только же словами, но и делами он указал Его всем, крестив Его и перстом указав, и своим учеником показав, и во всем засвидетельствовав, что Он есть Сын Отчий, Агнец Божий, Жених

душ, приходящих к Нему, взимающий грех мира, отъемлющий скверну и вместе сего вносящий и дарующий освящение. Уготовав таким образом путь Его, согласно проречению Захарии, и совершив все, ради чего он был послан и предтека пред Христом, и став Крестителем во Иордане, он уступает место Христу выступать с проповедью к собранным людям, и удаляется от толпы, предав ее Господу. Поелику же Ирод сын того Ирода-детоубийцы не наследовал от отца полноту власти, потому что он был лишь четвертовластником, но в зле даже превзошел того, живя бесчинно и представляя собою для Иудеев пример всего злого, то Иоанн не мог молчать; как бы мог он молчать, будучи Гласом Истины?! – но укорял его как за все прочие грехи, которые он делал, так особенно и за Иродиаду, жену брата его, которую похитив (от него), тот противозаконно женился на ней. Иоанн говорил ему: **«Не достоин тебе имети жену Филиппа брата своего»** (Мк.6:18). Он же, будучи постыждаем, лучше же сказать – не снося постыждения, прибавил еще и это зло к своим дурным делам: заключил Иоанна в темнице.

Что касается Филиппа, то и тот был Иродов сын и был тетрархом иной части. Потому что отец их Ирод, после того жестокого и безумного убийства детей, впав в неизлечимые и нестерпимые болезни и беды, покончил с собою по причине чрезмерных мук и болей; когда и Ангел в Египте сказал Иосифу: **«Встав поими Отроча и Матерь Его, и иди в землю Израилеву, изомроша бо ищущии души Отрочате»** (Мф.2:20). Итак, когда Ирод печально закончил свою жизнь, тогдашний самодержец всего, Кесарь, разделил область, бывшую под тем (Иродом) на четыре части, и над двоими частями поставил иных правителей, а для двух иных областей поставил тетрархами (**«четвертовластниками»**) сыновей Ирода: Филиппа и этого самого Ирода; почему и Евангелист Лука говорит, что он четвертовластвовал над Иудеей, Филипп же брат его над Итурейской и Трахонидской областями, – когда Иоанн, проповедуя крещение покаяния, пришел к Иордану.

Итак, этот новый Ирод, обладая властью, связал и заключил Иоанна в тюрьму; как Матфей и Марк говорят, будучи обличаем им за Иродиаду, которую тот взял себе, хотя она была женою брата его. Лука же говорит, что – не только за одну Иродиаду, но **«и о всех, яже сотвори злая Ирод. Приложи и сия над всеми, и затвори Иоанна в темнице»** (Лк.3:19-20). Почему же иные Евангелисты поминают, что Иоанн обличал Иоанна только за Иродиаду? Говорят они так по той причине, что для заключения Иоанна в тюрьму были и иные многие причины, лучше же сказать – все поступки сего извращенного царя, за которые, будучи обличаем, он не стерпел; к усекновению же главы Иоанновы привела одна единственная причина – прелюбодеяние и прелюбодейка, которая действовала своими махинациями и ухищрениями и довела дело до конца: ибо она питала негодование на Иоанна, который обличал и отводил Ирода от незаконного дела, и желала его убить: ибо, как ей казалось, иначе не было возможно ей изгладить улику против себя. Ее мерзкий грех не был однородным; не был он и сугубым; но состоял из многих элементов: потому что это было прелюбодеяние, наипостыднейший из всех грехов, и то совершаемое не с кем-то иным, но – с братом обманутого мужа, и то после того, как от него у нее был ребенок, к тому же дочь, родившаяся от этого брака, была жива; так что, по Моисееву закону, Ироду не допускалось жениться на ней ни даже после смерти его брата. Он же еще при жизни брата и при наличии от него дочери осквернил брачное ложе того, и то не, по крайней мере, тайно, как бы с некой боязнью совершая бесчинный поступок, но с дерзостью и бесстыдством совершал мерзость.

Итак, вот, всецело предаваясь злу и посему не снося обличения, он заключил Иоанна в тюрьму. Но и само это заключение Иоанна в тюрьму еще больше позорило Ирода пред всеми видящими и слышащими (о случившемся) и всеми посещающими тюрьму вследствие слуха (о пребывании в ней Иоанна); посему Иродиада преследовала его, т. е. в своем сердце питала бешенство на Иоанна и желала его убить, однако, не решалась. **«Ирод бо, – говорится, – боишся Иоанна,**

ведый его мужа праведна и свята» (Мк.6:20). Боялся же Ирод Иоанна по причине высоты его добродетели, но Бога, от Которого происходят в людях добродетели, не боялся; но ни Иоанна он боялся по той причине, что он – праведник, хотя и сам знал, что он праведник и святой, но боялся его по причине народа, потому что они считали его Пророком, как говорит Матфей; ибо, как он сообщает, не только Иродиада, но и сам Ирод, желая убить Иоанна, боялся народа.

А то, что Марк говорит про Ирода, что тот **«с удовольствием слушал Иоанна»**, должно пониматься в следующем смысле: как в отношении лекарств мы чувствуем горечь, но принимаем их, потому что рассчитываем получить от них пользу, так противоположное сему случается в отношении духовных наставлений: не поддающиеся им, хотя, правда, и наслаждаются ими, сущими по своей природе приятными, но не восприимлют их, замечая, что они являются препятствием для их порочных стремлений. Так что возможно, что сначала он его с приятностью слушал, так как и берег его, – говорит (Евангелист Марк), – и слушая его, многое исполнял (из его советов). Поелику же злу свойственно ненавидеть порицающих его, то когда по причине порицания у него родилась ненависть к Иоанну тогда все оное презрев, он стал единомыслен с прелюбодейкой в ее кровожадном желании; желая уже и сам убить Иоанна, – о чем говорит Матфей, – он (однако) боялся народа, все потому что боялся бы какого-нибудь восстания, но боялся, что они его осудят, потому что почитали его за Пророка; потому что он знал, – так как ни от кого это не было скрытым, – превосходство добродетели и благодати в Иоанне, и уступая пред славою, которая высказывалась ему со стороны многих, боялся их осуждения, и гоняясь за их похвалой, притворствовал послушание и благоговение к Иоанну.

Но Иродиада, будучи мудрой на то, чтобы делать зло, и от этой боязни освободила его и побудила на убийство, убийство такого характера, за которое, как она полагала, а лучше сказать – обманывала, он был бы свободен от порицаний (анэглитос); ибо негодую и дыша убийством, она искала времени, чтобы пред многими (свидетелями) избежать повода для порицания, и в то же время привести в дело свое бешенство на Крестителя и Пророка. Итак, **«когда настал – как говорит Марк – удобный день»**, т. е. удобный для махинации убийства, когда Ирод, по случаю своего дня рождения, давал пир и весь народ собрался, и все затем возлежали за столами, вошла в общую их среду, умышленно посланная ею ее дочь, и эта девица плясала пред глазами всех, и угодила и всем прочим и Ироду. Потому что как бы она могла не угодить Ироду, будучи ее дочерью и ею представленная и бесстыдно танцевавшая? И этот бесстыдный танец до такой степени покорила распутного царя, что он оказал отроковице: **«Проси у мене,егоже аще хочещи, и дам ти; и клятвса ей, яко егоже аще попросиши у мене, дам ти, и до полцарствия моего»** (Мк.6:22-23). Вышла же эта бесстыдная девица к своей матери и учительнице оных непристойных прыжков и изгибов, возвестила ей о том, что царь связал себя клятвой и просила указания, что ей просить; сразу же получила ее наставление и ревностным образом согласилась на это, и с усердием вернулась к царю, и не краснея выпалила свою просьбу: **«Хощу, – говоря, – да ми даси абие на блюде главу Иоанна Крестителя»** (Мк.6:25). Итак, выходит, что этого бесстыдно просила та девица; а этим прелюбодейка освободила, как ей думалось, царя от порицания за убийство Крестителя и Пророка, Видишь, – говорит, – из-за уважения к клятве, а не из ненависти к праведнику, должно было совершить это убийство. **«Прискорбен же быв царь; клятвы же ради и за возлежащих с ним не восхоте отрещи ей»** (Мк.6:26); посему послав, обезглавил Иоанна в темнице, и принесена была глава и дана девице.

Увы, причиной каких зол является погоня за славою! Не мог убить по причине народа, а, вот, убил по причине совозлежащих гостей; опечалился же он не от иного чего, как – от мысли, что многие перестанут уважать его: потому что царь попал в весьма стеснительное положение: если убьет Праведника, подвергнет себя порицанию за убийство; а если не убьет, окажется

клятвонарушителем; клятва произошла на основании гордости; страх же преступить клятву – также на основании славолюбия; убийство же в целях ненарушения клятвы – также ради славы; весь пир затеяло тщеславие. Прекрасно, следовательно, Господь говорит в Евангелиях: **«Как вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите?»** (Ин.3:44). Потому что и Иудеи ища таковую славу от людей, отвергли веру в Него; Главу всех бывших у них Пророков отсекали, убив Исполнение Пророков – Христа. Таковы – дела царя, которым царствовали прелюбодейные и пляшущие женщины; это – чем он был заколдован и чем угождался, и ради чего продал и предал царство, и дошел до такого дела! Подобным чем-то страждет и наш ум, братие: ибо он был поставлен от Бога царем и самодержцем над страстями, но когда сам он услаждается ими, тогда отводится в неуместное рабство и к совершению неуместных поступков, и таким образом всякий из поработивших себя греху и страстям, будучи мучим и утесняем своею обличающей совестью, сначала как бы запирает ее, как Ирод заключил Иоанна, – не желая слушать ее; затем ни слов, написанных для противодействия греху и излагающих образ всякого доброделания, он не допускает до своего слуха; когда же окончательно окажется в руках беззаконно-сожительствовавшей с ним Иродиады, т. е. грехолюбивой воли, – тогда и врожденное в нем начало благодати, я имею в виду – совесть его, он совершенно умерщвляет, подавляя в себе ее голос, не веруя и противореча боговдохновенному Писанию, игнорируя Слово Божие и противясь ему, как Ирод – Иоанну.

Но и с противящимися истине Благочестия Православия сбывается подобное же, лучше же сказать – они делают подобное. Потому что постыждаемые Пророками, Апостолами и Отцами, которых мы приводим, они сначала как бы запирают их в книгах, говоря: оставьте их там лежать, и пусть никто ими не пользуется и не ссылается на них; в этом они оказывают непослушание даже Господу, говорящему: **«Испытайте Писания и в них обрящете жизнь вечную»** (Ин.5:39). Затем Иродиадой, т. е. своим тщеславием, настроенные и приведенные в еще худшее состояние, они эти священные слова представляют как бы **«на блюде»** заколотыми, – убивая их своими собственными комментариями, на радость и в то же время гибель согласующихся с ними.

Итак, Ирод является примером всякой порочности и нечестия; а Иоанн – столбом всякой добродетели и благочестия. Потому что Ирод является полнотою греха, твердыней нечестия, орудием беззакония, человеком подлинно плотским, как по-плоти живущий и мыслящий; Иоанн же – верх всех от века богоносных Отцев, светлая сокровищница дарований Духа, символически наименованный по Божественной благодати, обитель всякого благочестия и добродетели. Итак, сегодня нам предлагаются два образа, которые весьма-весьма противоположны и непримиримы друг в отношении друга: из которых первый – представляется связанным с небольшой и кратковременной радостью и почетом для избравших сей образ жизни, сменяется же он затем на бесчестие и скорбь нескончаемую и нестерпимую; другой же – от приверженных этому образу жизни требует труда на короткое время, но затем дарует им славу и наслаждение божественное и неизреченное, и истинное и вечное. Так что, – если по плоти живем, по подобию плотского Ирода, – то умрем, как говорит Апостол (Рим.8:13); если же действием Божественного Духа, сообразно Иоанновой ревности, мы будем противостоять дурным плотским вожделениям и деяниям, то будем жить во веки. Конечный результата жизни по-духу ныне сокровен с Христом в Боге и еще не всем явлен; когда же будет явлен, мы будем подобными Ему, наследниками Божиими, сонаследниками Христу, получив оные вечные и нетленные блага, которых ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни на сердце человеческое не всходило, потому что они – выше слуха и зрения и мысли; для живущих же по-плоти приятности не только – тленны и временны, но и до такой степени незначительны и жалки, что сравниваются с какими-то рожками и свиной пищей.

Итак, если, предположим, и эти блага (которыми услаждаются живущие по-плоти) также были бы вечными, все же им следует предпочитать оные блага (которые связаны с жизнью по-духу), как блага вне всякого сравнения более превосходные; если же, как и оные, так и эти блага, были бы великими и чудесными, все же, поскольку они временны, а те вечны, следует, опять же, отдать предпочтение тем благам, которые вечны. Поскольку же оные блага вечны и несравнимы, а эти – и негодны и временны, то предпочтем, братие, неизменным и тленным – постоянные и неизреченные и небесные блага; как и следует, пройдем мимо того, что и само пробегает мимо нас, хотя бы на малое время это и льстило нашей чувственности; будем стремиться к будущим благам, как благам пребывающим и никогда не пропадающим; будем бежать от уподобления Ироду; потщимся, по силам, подражать Предтечи благодати, и особенно из всех – мы, у которых жизнь монашеская, у которых образ жизни отличен от мирских нравов и вещей и как-то приближается к пустынноческой и отшельнической жизни Пророка и Крестителя, который предведя, как Пророк, что будет монашеское звание, которое некогда возможно хотя бы в некоей мере подражать ему, который не за догматические истины (εὐσεβεία), но за добродетель борясь, был обезглавлен, дабы и мы были готовы до смерти противостать греху, ведая, что тот примет мученический венец, кто добродетелью обратил страсти в бегство. Но насколько меньшим злом является обычный грех в сравнении с нечестием, настолько, следует из сего, большим добром является подвергать жизнь свою опасности (в борьбе) за добродетель: потому что ужели бы тот, кто положил душу свою за меньшее, не положил бы ее в борьбе за большее, т. е. – за благочестие?

Посему Большой из рожденных женами, Проповедник покаяния, Предтеча и Креститель Спаса, борясь за добродетель, был обезглавлен; он был Предтечей не только Христа, но – и Его Церкви, и особенно нашего, братие, образа жизни; он был рожден от бесплодной Елисаветы, а мы – от языческой церкви, о которой написано: **«Возвеселися неплоды неращающая; возгласи и возопий нечревоболевшая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущия мужа»** (Ис.54:1)8). После своего рождения, он подвергся преследованию детоубийцы Ирода, желавшего его убить; преследующего его по причине своей ненависти ко Христу; но он пустыню нашел своим убежищем, и судил, что она ему отраднее, нежели мир, и здесь он обитал. И на нас, после нашего духовного рождения, нападает духовный Ирод, и он преследует тот час же в нас Христа; посему и мы бежим от мира, и находим пристанище – эти посвященные Богу монастыри, места посвященные богомыслию (τα φρονιτητήρια) и таким образом убегаем от его жестоких копыеносцев и меченосцев, т. е. возбудителей страстей, при помощи которых он наносит духовную смерть, отделяя человека от Бога.

Это – та смерть, которая чрез наши «окна», т. е. органы чувств, входит в нас: потому что посредством их она вошла в начале и низвергла род наш с высоты, лишив наших Праотцев бессмертия: Ева выслушала злостный совет лукавого; увидела, вкусила, съела, погибла, обольстила мужа, сделала его сообщником и вкушения и падения. Они не могли противостать единственному искушению; тот час же представили свой слух обманчивым словам; были побеждены одним приятным видом запрещенного плода, хотя еще и не знали страстей, но были бесстрастны и обитали в месте чистом от страстей; а мы ужели возможем в течение всей жизни вращаясь в мире, не потерпеть зла от многовидных страстных видов и зрелищ и многословных и не менее постыдных рассказов и бесед, и не ранить и не причинить тяжкого вреда нашему внутреннему человеку? Нет, это невозможно! Поэтому-то Отцы, подражая Предтечи благодати, отвергались мира, и бежа от совместного жительства с приверженными ему, одни възобитали в пустыне и привлекли к ней также и многих, бывших после них; а другие, обитая в священных оградах, установили духовные купножительства в них, которым мы так или иначе подражая по духу их рвения, проводим нашу жизнь в этих священных оградах (монастырях).

Но не только обитать в них должно, но и иметь жизнь сообразную с оными Отцами: потому что ни в этих сущих на земле иных раях не отсутствует древо познания добра и зла; не отсутствует ни злой руководитель. Но мы, наученные древними примерами, должны внимать только мудрому и доброму совету, и, по силе, следовать тем, которые и прежде и теперь следуют ему, подражая образу жизни, скажем словами Апостола, тех, ихже скончание жительства видим (Евр.13:7). Как имеются звери и животные в пустынях, так имеются они и в этих священных местах; и очень опасно, чтобы не случилось нам уподобляться бессловесным скотам и стать подобными им, если, по силам, каждый из нас не будет подражать образу жизни Иоанна. В чем подражать ему? – Он всегда имел голову непокровенной: это знак непрестанной молитвы и обращения к Богу; потому что мужу долженствует молиться с непокровенной головой, согласно Апостольскому слову (1Кор.11), чтобы непокровенным лицом взирать на отражение славы Божией. Итак, закрыли себе лица те люди, которые связали себя с миром, окружив себя, а лучше сказать – сросшись с его вредом и со сплошными терниями у их ног, и не могущие, как это мы можем, непрестанно взирать на славу Божию. Мы же, прекрасно удалившиеся от мира, уйдем из него и своими мыслями, в псалмах и песнях духовных и молитвах сочетая наш ум со Христом, и делая себя обителью спасительного Его имени, памятуя Его, ради Которого мы ушли из мира: потому что тот, кто ради Него удалился от мира и сущих в жизни удобств, тот желает всецело соединиться с Ним, что достигается путем непрестанного памятования о Нем, которое очищает ум.

Итак, очистим наше душевное око, простираясь к Богу делами, словами и мыслями; потому что у нас нет ничего того, что бы нас пригнетало к земле, если мы пожелаем сообразоваться, насколько это возможно, с образом жизни Иоанна. Он прожил, не имея крыши над головой, мы же будем довольствоваться скромным жилищем; каждый будем любить данную нам от настоятеля келлию, помышляя о том, кто всю жизнь был бездомным. Он довольствовался плодовыми деревьями и диким медом; находится же в пустыне растение, которое растет само по себе, корни которого употребляли в пищу и бывшие после Иоанна пустынные Отцы; «**плодами**» же называются фрукты. Итак, он кормился фруктами и корнями растений или диким медом. Имел же он только одну одежду и имел кожаный пояс на чреслах своих, образно предоставляя этим, что он носил в теле своем умерщвление страстей, а также, что он обладает благом нестяжательства, и наставляя нас делами; мы же изобилуем таким большим количеством продуктов питания и одеждой, имея склады и хранилища полные пшеницы и вина, булочные и пекарни и, одним словом, все необходимое.

Возблагодарим же Дарователя сих вещей – Бога и Его Предтечу, благодаря которому все это даруется нам без нашего труда, как бы от источника истекая нам, и принесем это в славу его, делами воздавая благодарение ему; потому что если мы будем довольствоваться сим общим монастырским достоянием, мы не будем очень далеки от Иоаннового нестяжательства и терпения. Ибо хотя он и недостижим во всем, однако, как его кормил Бог, так и мы кормимся дарами Божиими; если же имеем свои собственные частные деньги и вещи, вот это – страшно и делает нас далекими от общения со Святыми; ибо удалившийся от мира и в то же время имеющий частную собственность, либо принеся ее оттуда сюда, либо здесь приобретши, тот носит с собою мир, и отнюдь не удалился от мира, хотя бы и был на самой Святой Горе, хотя бы и обитал в тех монастырях, представляющих небесную область; самое оное место он оскверняет, делает обыденным, и не допускает, чтобы оно было выше мира. Такой человек, конечно, будет осужден, как сквернитель святыни Божия. Но, ведь, и Креститель Господень и Предтеча Иоанн ушел из пустыни и ее безмятежности? – Да, но он был послан Господом, чтобы дать познание спасения народу Его и для обличения неверующих, по причине чего он сегодня и был обезглавлен; ибо он не имел нужды подлежать сей физической смерти, потому что она явилась результатом приговора за преступление Адамово; и исполнитель заповедей Божиих не был должником ей, он, который от самого чрева матери был послушен Богу.

Но Святым долженствует, по заповеди Господней, полагать души свои за добродетель и благочестие; и вот поэтому им более соответствовала насильственная смерть, претерпенная за добро; посему и Господь вкусил такую же смерть. Долженствовало также чтобы смерть Иоанна предшествовала смерти Христовой, чтобы, согласно отеческому пророчеству, сказанному ему, предйти ему пред лицом Господа, чтобы известить о спасении также и тех, которые находились во тьме адской, дабы и они присоединились и улучили во Христе блаженство и бессмертную жизнь, которую да будет всем нам получить по молитвам от чрева матерного Получившего ее и преподавшего ее сущим и на земле и под землею, и делом и словом и молениями к Богу всех направлявшего и направляющего к ней, о Самом Христе Господе нашем, Которому единому подобает вечная слава. Аминь.